

временном смысле. Похоже, что знакомый нам смысл это слово приобретает только к временам Ивана Грозного. Киевская Русь знала термины «земля», «страна», «волость». Если второй из этих терминов носил церковно-славянский характер, то первый и второй употреблялись в значении «область». Слово «волость» употреблялось в Киевской Руси в двух значениях: 1) власть, господство; 2) область, находящаяся под одной верховной властью.

Наверное, всё-таки главное в восприятии летописцами и их современниками политогенеза — это вопрос о взаимоотношениях между народом и властью в ту пору. Огромна роль народа, свободных людей в политической жизни Киевской Руси. Для обозначения народа летописцы используют термин «люди», который зачастую совпадает с обозначением населения отдельных земель: «кияне», «полочане», «смольняне», «черниговцы» и так далее. Высшим воплощением участия народа в делах правления стало вече — народное собрание, которое расцвело в XI–XII веках. Народ, организовавшись в вече, может изгонять и призывать князей, решает те или иные вопросы политической жизни, организует ополчение. Важно отметить, что летописцы изображали народную активность не как аномалию, отклонение от нормы, а как обычное дело.

Ситуация начинает меняться во второй половине XV столетия, когда московская цензура редактирует летописи, заменяя в них термины, говорящие о вольности в князьях. Слова «выгнаша», «выведоша», «показаша путь» последовательно заменяются на «изыде», «выеха», «выиде». Субъектом повествования выступают уже не горожане, а князья. К этому следует добавить, что в некоторых памятниках этого времени Владимир Святославич именуется уже «самодержцем».

Идея о монархическом характере политической власти в Киевской Руси стала одним из камней, заложенных в основу идеологического фундамента российского самодержавного государства, возникшего в XVI веке. Задачу создания идеологической платформы решала Степенная книга, которая окончательно оформила концепцию русской истории в виде перемещения «самодержавства» последовательно от Киева к Владимиру, а затем к Москве.

Наряду с монархическим устройством государства во времена Киевской Руси общим местом становится и представление о нём как о весьма обширном, огромном, раскинувшемся на необозримых пространствах. Это находит отражение в Степенной книге, Казанской истории, Лицевом своде. Другими словами, московские книжники придумывали Древнерусское государство, исходя из реалий своего времени и политических интенций.

За долгий период, который охватывает историю от киевских времён до XVIII века, русская историческая мысль значительно изменилась под влиянием новых реалий и прежде всего самодержавного государства, а также под влиянием соседей. Киевскую Русь стали рассматривать как монархию, где народные движения — это не норма, а аномалия, а смыслом и целью политогенеза видели появление этой самой вождельной монархии.

В XVIII — начале XIX века историки делали упор на монархическое устройство древнерусской политической системы при упоминании и демократических, земских традиций. Но при этом они весьма затруднялись в определении характера Древнерусского государства. Советские историки отстаивали концепцию раннефеодальной монархии и верили в существование в IX–XI столетии огромного государства под властью князей-Рюриковичей. В XI веке оно распалось под воздействием загадочной «феодальной раздробленности».

Насколько эта концепция соответствует исторической реальности? Преддверием Киевской Руси было время VI–VIII столетий, когда можно всерьёз говорить о славянах и их расселении в Европе. Славяне находились на стадии военной демократии. Их возглавляли князья. О них сообщают Иордан, Псевдо-Кесарий, Маврикий, Феофилакт Симокатта. Помимо князей были ещё и старейшины, а также народное собрание. Благодаря Прокопию Кессарийскому мы знаем, что «племена эти, склавини и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовласти, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща». Вооружённые силы славян основывались на сотенно-десятичной системе, уходящей своими корнями глубоко в древность. Такая система была характерна для многих народов древности. Судя по всему, стадии военной демократии соответствовали и другие элементы общественного строя славян: первобытное рабство, отношение к богатству, отсутствие развитых поселений.

Следующий этап восточнославянского политогенеза — это Киевская Русь IX–X веков. Мы мало знаем о летописных «племенах» в это время. Более или менее бесспорным является их «этнографический» характер. Путь от антов и склавлен к восточным славянам в плане общественного развития — это движение от военной демократии к вождеству. Когда мы изучаем общество этого времени, надо иметь в виду его родовой характер. Как отмечала Л. В. Данилова, «все крупные объединения восточных славян (племенные княжения) строились на родоплеменной основе». Вообще, надо подчеркнуть глубокую архаику, свойственную

древнерусскому обществу данного периода. Для отнесения изучаемого общества к стадии цивилизации достаточно двух из таких трёх показателей, как город, письменность и монументальная архитектура (К. Рэнфрю). Монументальная архитектура Древней Руси стала складываться поздно — после принятия Русью христианства, в самом конце X века. Письменность, как известно, также получает распространение в последующий период в условиях формирования городов-государств.

Из трёх показателей остаётся один — город. Проблема возникновения и функций раннего города — одна из «болезненных» в отечественной историографии, особенно XX века. С точки зрения одних, город возникает как «племенной центр» (И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко); других — как центр международной торговли (В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, Е. Н. Носов). Исследователи обращают внимание также на «парность» древнейших городов, из которых один приходит на смену другому: Гнёздово и Смоленск, Тимерёво и Ярославль, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов, Рюриково городище и Новгород. Города, стоящие первыми в этих парах, ленинградские археологи в 1978 году называли «открытыми торгово-ремесленными поселениями».

Есть ли противоречие между этими подходами? Вряд ли. Во всяком случае, они сглаживаются концепцией вождества. Древнейшие города были средоточием архаической княжеской власти, что не мешало им быть родовыми центрами. Летописная легенда об основании Киева ассоциирует постройку города с началом княжения. В аналогичном плане свидетельствует и легенда о призвании варяжских князей, соединяя строительство городов с управлением общественной жизнью: «...и начаша владети сами себе и города ставити». Характерно и то, что здесь грады вполне сливаются с враждой родов: «И вьсташа сами на ся воевать, и бысть межжи ими рать велика и усобица, и вьсташа град на град» (в Новгородской Первой летописи — «вста род на род»). По городам сидели князья «под Олгом суще». Эти древние города вполне могли «специализироваться» на внешней торговле, так как внутренняя торговля была ещё неразвита. Затем, по мере распада родовых связей и формирования территориальных отношений, эстафету могли подхватить «новые» города, ставшие средоточиями вечевой демократии и сумевшие объединить вокруг себя округу.

Архаическая структура власти в это время вполне соответствует стадии вождества: князь с дружиной, старцы градские и вече. Есть вполне убедительное мнение (М. Ф. Владимирский-Буданов, Б. Д. Греков), что вече в IX–X веках было менее активно,